

АРХИСТРАТИГЪ.

«- Когда наши войска воротились домой изъ-подъ Франціи, то охочимъ сказанъ быль отпускъ, на цѣлый годъ. Годовъ съ восемь изъ дому мнѣ вѣстей не было никакихъ: не то перемерли всѣ - царство имъ небесное - не то живы; а пора была такая, что тутъ было не до писемъ. - А что, сказалъ я землякамъ: - пойду и я; денегъ, благодаря Бога, у меня много, потому что жалованье шло заграничное: хоть повидаться, поотдохнуть да поразсказать, каковъ на свѣтѣ Парижъ городъ живеть.

И пошелъ. Съ мѣста наняли мы подводу, - а нась было человѣкъ десять попутчиковъ; прошли верстъ двѣсти, тутъ отдѣлились отъ нась трое, а подъ конецъ, на границѣ своей губерніи, Курской, осталось нась только двое земляковъ. Опять-таки мы наняли было подводу, да въ Фатежѣ товарищъ захворалъ, остался въ

больницѣ, а мнѣ выжидать его не приходилось, и я пошелъ дальше. Одному подводу нанимать не по карману. Не привыкать стать нашему брату журавлемъ шагать, да и не далече. Я вскинуль котомку за плечи, взяль посохъ въ руки, да и пошелъ одинъ путемъ дорогой. Мѣста не то чтобы знакомыя, а все ужь не такъ далеко: верстъ сто и всего-то отъ дому, - такъ и итти какъ-то стало веселѣ.

Настигли меня сумерки на большой дорогѣ, за поворотомъ съ Фатежской на Курскую; а пора была осенняя, глухая, темная: пришлось искать, гдѣ бы преклонить на ночь усталую головушку. Тутъ по дорогѣ было много постоянныхъ дворовъ, и хотя нашему брату служивому эти постоянные дворы не больно сподручны, а выгоднѣе и спокойнѣе заходить въ деревню къ простымъ мужичкамъ, да ужь тутъ дѣлать было нечего, выбирать никогда. Я остановился да стала осматриваться, въ которыя бы ворота постучаться; а встрѣчу мнѣ идеть какой-то, видно, зазывать вышелъ, да и говорить: «Что, землякъ, не

ночевать ли?... Просимъ милости, на хлѣбъ на соль.» Я, отозвавшись да отблагодаривъ, подошелъ, а онъ, разглядѣвъ, что передъ нимъ служивый, и отворотиль было отъ меня рыло-то: «дескать, съ вашего брата взятки гладки и за беспокойство поживы не будетъ!»

- Ну, зазваль, сказалъ я: - такъ ужъ не откидывайся, землякъ: вѣдь я домой пришелъ, это моя губернія; а что проѣль, заплачу. Не бойся, на это станеть: вѣдь, я изъ заграничной арміи.

Услышавъ это, онъ опять подался: сталъ поласковѣ; а извѣстное дѣло, что въ тѣ поры всѣ наши изъ-за границы приходили съ деньжонками.

- Ну, говорить, съ Богомъ, поди. Вонь это дворъ мой. Скажи хозяйкѣ, что я прислалъ; а мнѣ надо еще тутъ побывать: не будетъ ли обоза; никакъ, подъ горой кто-то покрикиваетъ.

Вошелъ я въ избу, помолился, поздоровался - гляжу, хозяйка не старая, видная, здоровая.

- Коли хозяинъ прислаль, говорить,
такъ съ Богомъ, распоясывайся.

Распоясываться нашему брату
служивому нечего: разстегнуль шинель
походную, да и вся недолга!
Поразговорилась хозяйка и ласкова стала:
то пожалѣть за нужду военную, то
пошутить, да приголубить, про походы
распрашиваетъ и какую кто поживу принесъ
оть француза.

- А кому какое счастье послужило,
говорю я. - Извѣстно, что съ бою взято, то
и свято. Ну, и жалованье царское шло намъ
серебромъ да золотомъ.

- Стало быть, и всѣ вы богаты
воротились?

- Иной, говорю, поразтрясы все тамъ,
то за французскими пунтиками, то съ
нѣмцами бирки потрынкалъ, кто во что
гораздъ, благо своя воля.

- Да ужъ оть вашего брата, говорить,
что путнаго ждать! что жъ, и ты такимъ же
гоголемъ домой пришелъ?

- Ну, говорю, кто Богу не грѣшенъ,
Царю не виновать; однако, я быль не изъ

первыхъ гулякъ: не то, чтобы все прокутиль, а помниль и своихъ. Вотъ теперь и пришелъ домой, да коли дастъ Богъ застану кого въ живыхъ, а, надо быть, двѣ сестры мои ужь подросли, такъ я ихъ и уважу, по червончику, другому имъ на приданое принесу.

Пришелъ хозяинъ, а хозяйка подала щей. Какъ поглядѣль я на него при огнѣ, что-то больно не понутру онъ мнѣ показался. Сказано слово: «съ чернымъ въ лѣсь не ходи, съ рыжимъ ночи не спи;» а ужь коли нашъ братъ курскій рыжій, такъ держи ухо остро! «Ну, думаю, Господь съ нимъ: мнѣ только бы переночевать, да спозаранку убраться.»

Поужиналь я, помолился, разулся и легъ на лавкѣ; а ночеваль я у нихъ одинъ: видно, извощиковъ хозяинъ не успѣль зазвать. Засыпая, я только подумалъ, какъ-то завтра раз считаюсь съ рыжимъ. Ну, да не пять же рублей онъ за свои щи слупить съ нашего брата! известно, полтиной мѣди чистъ будешь, а больше не возьметъ.

Уморившись съ переходу, какъ я свалился, когда огонь погасили, такъ и уснуль; только еще прочиталъ до половины молитву своему ангелу, Архистратигу. Вдругъ просыпаюсь ночью, таки-вотъ словно кто меня студеной водой окатиль, и сразу вскочилъ на ноги; гляжу, хозяйка вздула огонь, да взяла въ руки топоръ, а хозяинъ съ ножемъ, да оба прямо идутъ на меня. Пропалъ я, стало быть: вотъ въ какую берлогу меня Господь принесъ; а при мнѣ нѣть ни даже щепочки, чѣмъ бы отбиться! И самъ не знаю какъ и съ чего это во мнѣ вдругъ взялось, будто кто за меня вымолвилъ, - только я, взмолившись хозяину, говорю: «Что ты дѣлаешь! вѣдь я не одинъ здѣсь, вѣдь нась тутъ цѣлая рота, меня спохватятся!»

Хозяинъ мой, какъ будто немного опѣшалъ, однако, подошелъ вплоть:

- Поздно теперь, говорить, сказки сказывать!... Какая рота? Молись, да и аминь тебѣ!

- Чего ты его слушаешь? закричала хозяйка и сама кинулась на меня съ топоромъ.

Я только успѣлъ призвать на помощь ангела своего, святаго Архистратига, какъ кто-то шибко застучалъ въ ставень.... молчокъ; а съ улицы голосъ подаль кто-то, да еще шибче забарабанилъ.

- Кто тамъ? закричалъ хозяинъ, поднявъ надо мною ножъ, чтобы я не посмѣль крикнуть, между тѣмъ, какъ проклятая баба опустила обухъ и прислушивалась.

- Кто! развѣ не слышишь?... Не узналь голоса фельдфебеля? Аль заспался?

- Михайло Ларіоновъ, ты, что ли?

Я, ни живъ, ни мертвъ, отозвался.

- Собирайся живѣе, продолжаль фельдфебель: - рота выступаетъ. Чего зѣваешь? Да живо! Не то я подыму!

Рыжій съ хозяйкой задрожали ровно листъ на осинѣ, да оба разомъ пали мнѣ въ ноги, говоря: «Не погуби, ради Спаса святаго не погуби!...»

Я схватиль котомку, сапоги, шапку и выскочиль изъ избы, самъ не помня, какъ. Не могу понять по нынѣшній день, какъ я отперъ впотьмахъ сѣнныя двери, какъ растворильт ворота, либо перескочилъ черезъ заборъ, ничего не знаю. Выбѣжалъ на улицу - все темно, ни зги не видать и никого нѣть. Я взмолился еще разъ своему архангелу и пошелъ прямо, безъ оглядки, куда глаза глядятъ. Вышелъ на дорогу - отколъ ни взялась тройка курьерская, скакеть во весь духъ да прямо на меня; я едва только успѣль отскочить да съ перепугу закричалъ что есть силы.

- Стой, стой! закричалъ курьеръ, военный офицеръ: - стой! Никакъ мы кого-то задавили....

- Да, чуть было не задавили, ваше благородіе! отозвался я.

- А ты кто таковъ?

- Служивый, ваше благородіе: иду въ домовой отпускъ; ночь настигла, ваше благородіе; сдѣлайте отеческую милость, подвезите....

- Садись, сказалъ добрый офицеръ.

Сѣли и понеслись. Покуда разсвѣло, такъ ужь мы были верстъ двадцать за Курскомъ. Тутъ я поблагодарилъ офицера и пошелъ своимъ путемъ, въ сторону.»

- Да кто жъ тебя спасъ отъ ножа и обуха? спросили слушатели Михайла Ларіонова: - кто же постучался въ ставень и сказался фельдфебелемъ?

- А вы и не догадались?... Эхъ, вы, маловѣрные! Вотъ то-то и есть! Кто на войнѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался! А кому же я взмолился? А кто за меня стояль, держаль подъ своимъ покровомъ, въ сорока сраженіяхъ, отъ вступленія француза въ матушку-Россію, до самаго занятія Парижа?